

Новенькая

Алёна Шахнина

Алёна Шахнина

Новенькая

«Литнет»

2026

Шахнина А.

Новенькая / А. Шахнина — «Литнет», 2026

Она — вечная новенькая. Он — вечный король. Лера ненавидит новые школы, новые лица и внимание. Её принцип — не вступать в контакт, не привязываться, ведь завтра семья военного может снова сорваться с места. Даниил ненавидит слабость. Он — главная звезда школы, капитан футбольной команды. Ему достаточно одного взгляда, чтобы уничтожить любого, кто посмеет бросить ему вызов. А Лера бросила. Война неизбежна. Но чем сильнее Даниил пытается сломать загадочную новенькую, тем отчаяннее она пытается разгадать его главную тайну. Однажды ночью она узнает его настоящего — голодного, злого и смертельно уставшего притворяться. Вместо врага она видит мальчишку, спящего на холодном берегу. Когда с лиц срываются маски, придется выбирать: добить соперника или спасти того, кто был так близок к тому, чтобы стать твоим палачом. Вторая книга из цикла здесь:

Содержание

Глава № 1 Лера	5
Глава № 2 Даниил	7
Глава № 3 Лера	9
Глава № 4 Даниил	13
Глава № 5 Лера	16
Глава № 6 Даниил	19
Глава № 7 Лера	23
Глава № 8 Даниил	26
Глава № 9 Лера	29
Глава № 10 Даниил	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава № 1 Лера

Опаздываю на первый урок в новой школе — вот так непруха. Мне плевать, конечно, но не хочется сразу привлекать к себе внимание, которое мне абсолютно не нужно. Тороплюсь так, что почти бегу, чувствуя липкий пот на спине. Как специально, ярко светит солнце, намекая на то, что в школу я приду злая, красная и мокрая.

Забегаю в школу, но останавливаюсь на вахте возле турникета — карту мне еще не выдали, звонок уже прозвенел, и что делать дальше я вообще не понимаю. Строгая бабуля на вахте сверлит меня взглядом, я со вздохом достаю документ о зачислении и сую ей под нос.

— Новенькая. Карту еще не выдали. Пропустите, — быстро и сбивчиво говорю я.

Вахтер неспеша надевает очки, встряхивает листок и впиивается в текст. Читает долго, даже слишком долго, будто там написано на иностранном языке. Потом она так же неторопливо подходит к доске с расписанием и ведет по ней пальцем.

— 11 б сейчас в 302 кабинете на третьем этаже, — говорит она. — Иди.

Прихрамывая, ковыляет к турникету и наконец пропускает меня. Я толкаю металлическое ограждение и быстро иду к лестнице. Урок идет уже десять минут, и мое появление будет триумфальным.

Подхожу к кабинету, вытираю потную ладонь о черные брюки и стучусь. Тишина. Приоткрываю тяжелую деревянную дверь и засовываю голову в образовавшуюся щель. Возле доски стоит учитель — по возрасту чуть старше меня, но одета, как секретарь в строгий костюм и белую блузку.

— Здравсьте, — говорю я. — Краснова, новенькая.

— Да, заходи, — кивает учитель и я, не глядя на класс, захожу в кабинет.

Меня встречает тишина. Кажется, что в классе никого нет, но краем глаза замечаю лица. Чувствую устремленные в меня взгляды. Господи, хоть бы только без этих глупых представлений классу. Как вспомню эти несуразные «Ребята! У нас новый ученик. Ее зовут Валерия. Принимайте в коллектив», а потом тупые хлопки, в дрожь бросает. Еще и полным именем! А я ненавижу, когда меня называют полным именем.

— Присаживайся на свободное место, на перемене подойди ко мне, — говорит учитель, и я облегченно вздыхаю.

Поворачиваюсь к классу, быстро сканирую кабинет на наличие свободной парты и нахожу ее. Смотря строго перед собой на старый деревянный шкаф у стены, дохожу до парты и падаю на стул. Надо было хоть спросить — какой урок. Да какая разница? Достаю чистую тетрадь и ручку — этого достаточно.

В классе все еще тишина. Все еще смотрят на меня. Как же бесит это внимание! И почему каждый раз одно и тоже? Я уже в шестой раз меняю школу, и в шестой раз прохожу этот ритуал посвящения в одноклассники. То есть пытку взглядами. Неужели так трудно не смотреть? Мне вот лично плевать, когда приходят новенькие, пусть хоть с горшком на голове.

Утыкаюсь взглядом в учителя и доску, пытаюсь вникнуть в тему. Последний раз я была на уроке две недели назад и, похоже, снова в числе отстающих, потому что написанное мелом на зеленой поверхности мне совершенно не знакомо. Опять придется нагонять, брать дополнительные материалы. Как же надоели эти переезды и новые школы!

Я не задержалась ни в одной школе дольше двух лет. Только в шестом и седьмом классе мне почти повезло — я ровно два года была на одном месте. И думала, что это все, что мы остановились и больше не уедем. Но нет, у родителей, а точнее, у отца-военного совершенно другие планы. В восьмой класс я шла уже в другом городе, безумно скучая по своим друзьям. С тех пор у меня есть правила — не заводить дружбу, не привязываться, не привыкать. Нет

гарантии, что мы не сорвемся с места в середине учебного года. Такое тоже бывало, когда меня практически выдирали с уроков со словами, что нам пора.

Громкий звонок на перемену заставляет меня очнуться от собственных мыслей. Я медленно кладу пустую тетрадь и ручку в рюкзак, поднимаюсь с парты и подхожу к учителю.

— Меня зовут Елена Викторовна, — говорит учитель. — Я твой классный руководитель.

Я киваю, всматриваясь в нее. Молодая — лет двадцать восемь на вид, с темными волосами, собранными в хвостик. Ни капли косметики на лице, но она и без нее хорошенькая. Наверняка старшеклассники уделяют ей много внимания.

— Елена Викторовна! — раздается за моей спиной громкий, грубый голос, и я вздрагиваю от неожиданности.

Не оборачиваясь, мне не интересно. Но обладатель этого голоса останавливается за моей спиной и дышит мне в затылок. Я чувствую его и это крайне раздражает. О том, что такое личное пространство, он явно не в курсе.

— Что, Даниил? — устало спрашивает учитель.

— У меня игра завтра, я не приду в школу, — говорит он.

— Я помню, ты говорил, — отвечает учитель.

— Я напоминаю, а то вы опять меня искать будете, нервничать, переживать, — с усмешкой говорит он.

— Иди на урок, Кириллов, — останавливает его учитель.

Но он не уходит. Он смотрит на меня, как хищник на добычу. И хотя у меня нет глаз на спине, это и так понятно. С трудом подавляю желание сделать шаг назад и наступить этой наглой морде на ногу. Вместо этого сильнее вжимаюсь бедрами в учительский стол, забирая мои личные сантиметры назад. Наконец, он перестает дышать на меня и, тяжело ступая по полу, выходит из кабинета.

— Это староста класса, Даниил, — говорит мне Елена Викторовна и добавляет с улыбкой: — И моя головная боль.

Я понимающе киваю. Ничего нового: типичный выскочка — по голосу и тону слышно. Тот, кто занятия спортом считает своим высшим достижением. Я даже не видела его лица, но догадываюсь, что он явно из тех, кто пользуется популярностью. И завывает себе цену. Насмотрелась на таких.

Учитель протягивает мне расписание, и я фотографирую его на телефон. Протягивает карту для турникета.

— Напиши свой номер телефона, добавлю в группу, — говорит она и протягивает листок.

Я быстро пишу цифры и ухожу под звонок на урок. В кабинет уже вваливается другой класс, и мне приходится расталкивать шпану, чтобы снова не опоздать. Но, конечно, прихожу последняя, и опять приходится терпеть на себе чужие взгляды, искать свободную парту и делать вид, что я никого не замечаю вокруг себя. В этот раз хотя бы не полная тишина: кто-то болтает, кто-то кашляет. Не у всех долго держится интерес к новенькой.

Радует только одно — последний год. Потом поступлю в институт, поселюсь в общежитии и пусть родители кочуют по стране без меня. Я наелась этих переездов, новых домов, новых людей. Вся жизнь мелькает перед глазами, как кадры в телевизоре. Мама тоже не рада этому, но выбора нет — не бросать же отца из-за его дурацкой работы. Ходят слухи, что не все военные живут, как вечные кочевники, но, видимо, нам сильно повезло.

Отец всегда говорит: «Зато ты почти всю страну посмотрела. Другие только мечтать об этом могут». Но он не понимает, о чем я на самом деле мечтаю. О корнях, которые могу пустить в одном городе, в одном доме.

Каждый переезд — это не только сбор вещей, это еще и расставание. С друзьями, со школой, с домом. Я должна уже привыкнуть к этому, но не могу.

Глава № 2 Даниил

География. Как же я ненавижу эту нудную столетнюю училку с ее нудной географией. Еще и потом несет от кого-то — наверняка от Гришина, он вечно забывает свои волосатые подмышки мазать. В классе жарко и приходится махать на себя тетрадкой, чтобы тоже не начать вонять. Помогает плохо.

Смотрю по сторонам, на доску, на учителя, на всех подряд. Тоска...

Пытаюсь думать о завтрашней игре — слабый противник, наверняка разгромим их по полной. Не позорились бы тягаться с нами — лучшей командой в городе. У них только капитан путевый, но с такими игроками не помогут и его быстрые ноги. Но это все же это лучше, чем сидеть в школе.

Но даже мысли не помогают мне избавиться от удушающей духоты и запахов. Кажется, что теперь воняет от всех, и от меня в том числе.

— Валентина Николаевна, давайте окно откроем, жарко! — не выдерживаю я.

— Открой, Кириллов, — скрипит она.

Я шумно отодвигаю стул, поднимаюсь с парты и медленно иду к окнам. Возле последней парты раздается шепот и легкое хихиканье.

— Тишина в классе, Маркова! — говорю я.

Полина поднимает на меня взгляд и поправляет волосы. Я подмигиваю ей, и она смущается еще больше, но хихикать перестает. Всегда срабатывает.

— Кириллов, нельзя побыстрее? — говорит учитель.

— Простите, Валентина Николаевна, ноги затекли, — оправдываюсь я. — Видите, еле хожу!

Она лишь вдыхает, а по классу уже летит смешок. Я улыбаюсь и подхожу к последней парте первого ряда. Новенькая. Окидываю ее взглядом, хватаю стул и подвигаю его ближе к парте. Она возмущенно вздыхает, цепляется руками за парту и втыкает в меня свои глаза.

— Офигел? — говорит она.

— Простите, мадам, мне к окну пройти нужно, — отвечаю я и снова окидываю ее взглядом.

А она ничего такая. Темные волосы, серые глаза — холодные, как лед. Кажется, в них даже льдинки застыли, хотя может это лазеры, и она готовится прожечь меня ими? Интересно. Прохожу мимо, открываю окно и сразу в лицо дует свежий, прохладный ветер. Другое дело. Хоть из носа уходит навязчивый запах пота, пыли и девчачьих сладких духов.

Оставляю окно открытым и медленно возвращаюсь к своей парте, кинув взгляд на пустой лист на парте.

— Тебя как зовут, новенькая? — говорю я за ее спиной.

Она молчит, но сильнее сжимает ручку. Даже не смотрит на меня. Специально игнорирует.

— Кириллов, сядь на место! — почти кричит учитель.

— Не кричите, Валентина Николаевна! — говорю я. — У нас новый ученик в классе, а мы не познакомились.

— На перемене это делать надо! — отвечает учитель. — Садись!

Я пожимаю плечами и ухожу к своей парте. Ладно, пристану к ней после уроков. Так не пойдет — новый человек, а мы не знакомы. Хоть понять, как к ней относиться.

— Что, отшила тебя? — смеется Вовчик — сосед по парте и одновременно мой друг.

— Посмотрим еще, — говорю я.

— Ты не плачь только, — продолжает издеваться он. — Что на тебя, великого старосту, капитана школьной футбольной команды и просто красавчика не обратили внимание!

— Да пошел ты, — фыркаю я.

— Кириллов, почему я слышу тебя? — возмущается учитель.

Я закатываю глаза от раздражения.

— Наверное, потому что у вас слух очень хороший!

По кабинету снова пробегает волна смеха, а я злюсь. Поворачиваюсь к новенькой — ей безразлично. Она уткнулась в тетрадь и что-то рисует. Даже интересно стало — кто она. На лузера не похожа: слишком дерзкий взгляд. На типичную девчонку — тоже. После уроков познакомимся, если окажется нормальной, предложу тусить в нашей компании. Девчонки возмущаться будут, конечно, но плевать. Уже скучно с ними становятся — слишком предсказуемые. Только и делают, что в зеркало смотрятся и волосы свои бесконечно чешут.

Бывают, конечно, в нашей компании нормальные девчонки, с кем и посмеяться можно и на умные темы поговорить. Но такие обычно долго не задерживаются — начинают встречаться с парнями и все, пропадают.

Только такие, как Полинка задерживаются. Она тусуется в моей компании года три точно, и, как назло, никто ей встречаться не предлагает. Наверное, бояться оглохнуть от ее громкого, писклявого голоса.

А новенькая вроде не совсем обычная, и это только сильнее притягивает. Взгляд у нее такой... испытывающий. Не стала флиртовать и вообще не обратила на меня внимание, а это неожиданно. Можно подумать, что она скромница, но нет. Одета просто, со вкусом — вещи явно не из дешевых. Каштановые волосы чуть ниже плеч распущены, блестят от солнечного света, падающего с окна. Прямая осанка, а уверенность так и пышет. Нет, она явно не скромница, а вот самоназванная царица — вполне.

После уроков с Вовчиком выходим на улицу и сразу, как по команде, стягиваются остальные. Парни и девчонки из моего и параллельного класса останавливаются рядом, что-то бубнят, рассказывают. Вокруг бегают малышня, задевая своими огромными рюкзаками. Кричат, визжат и дико раздражают.

Один из мелких кричит снова и снова, пробегает мимо и толкается. Когда в очередной раз он оказывается рядом, я хватаю его за рюкзак, останавливаю и подтаскиваю к себе. Он испуганно смотрит на меня, пальцы цепляются в лямки рюкзака. Почти не дышит от страха.

— Долго орать будем? — говорю я.

— Больше не буду, — дрожит пацан.

— Вот и вали отсюда, мамка небось заждалась! — говорю я и толкаю пацана от себя.

Он спотыкается и, не оборачиваясь, убегает со школьного двора. Так-то лучше. Хотя тише не стало.

— Пойдемте куда-нибудь, — ноет Полинка.

— Дождемся кое-кого и пойдем, — говорю я.

— Кого? — жалобно пищит она. — Все же здесь!

Я не отвечаю. Ненавижу, когда она делает такой писклявый голос, считая, что это нравится парням. Ни фига не нравится. Похоже на неумелую игру на скрипке, а точнее — игрой смычком по нервам. По моим нервам.

— Мы новенькую что ли ждем? — тихо спрашивает Вовчик, и я киваю. — Да сдалась она тебе! Еще целый год впереди, успеешь познакомиться.

Я снова не отвечаю — должен знать, что это дело принципа. Хотя ждать уже и правда надоело — желудок неприятно сводит от голода, от бегающей рядом шпаны в ушах стоит гул. Со вздохом поворачиваюсь к своим, чтобы уйти, но вижу, что открывается дверь и выходит новенькая.

Глава № 3 Лера

После уроков плетусь к классному руководителю по ее просьбе. Так даже лучше — позже всех покину школу, когда толпа на входе рассосется. Иду по светлому коридору, слушаю крики с улицы, вдыхаю запах грязных носков и мечтаю побыстрее оказаться дома.

Захожу в класс и вижу, что за партой сидит девчонка. Она кидает в меня быстрый взгляд и тут же утыкается в тетрадь. Вроде она была на уроках, но могу ошибаться. Невзрачная, серая, сутулая — идеальная мишень для буллинга.

— Лер, это Дина, — говорит учитель. — Она тебе даст конспекты. Если какие-то вопросы по учебе, по темам, обращайся к ней.

— Угу, — безразлично отвечаю я.

— Я смотрю твои характеристики, — говорит она. — Ты часто меняла школы.

— Отец — военный, — поясняю я.

— Я вижу, — кивает Елена Викторовна. — До конца года вы не уедете? Выпускной все-таки.

— Не знаю, — хмыкаю я. — Я обычно об этом узнаю вечером перед отъездом.

Она вздыхает и перелистывает листы с моей характеристикой.

— Ничего не сказано о твоих увлечениях, — говорит учитель. — Кружки, секции посещала?

— Нет, — отвечаю я. — Я увлекаюсь переездами. Каждый раз оттачиваю свой навык по аккуратному складыванию одежды в чемодан.

— У нас много секций, — продолжает она, проигнорировав мою усмешку над собственной жизнью. — Спортивные, интеллектуальные. У тебя яркая внешность, тебе театральный кружок подойдет.

— Подумаю, спасибо, — кидаю я.

Конечно же, ни о чем думать не собираюсь. Какие кружки? Какой театральный? Чем меньше школы и общения — тем лучше! Я лучше дома, в тишине, с книжкой или своим скетч-буком.

— Дина, дай Лере конспекты, пожалуйста, — говорит учитель девчонке.

Девчонка спешно копошится в своем старом, потертом рюкзаке, достает три тетрадки и кладет на край на парты. На меня не смотрит.

— Химия, биология и общество, — раздается ее тихий, едва слышный голос.

— Угу, — снова киваю я, хватаю тетради и пихаю в рюкзак.

— Лер, — устало говорит учитель и поднимает на меня взгляд. — По любым вопросам обращайся ко мне. Если вдруг будут обижать, не молчи.

— Обижать? — фыркаю я.

— Просто имей в виду и все. Знаю, что обычно новеньким тяжело в коллективе, — вздыхает она.

— Поверьте, я тоже это знаю! И за десять классов научилась выживать. Так что я не боюсь, — уверенно говорю я.

Попрощавшись с учителем, я иду на выход. Первый день в новой школе ничем не отличается от всех других первых дней. Только этот напыщенный индюк выбесил на географии. Сразу понятно — истинный самец, пытается доминировать, показать себя вожаком стаи. Хорошо, хоть не пометил. Да плевать мне на него, пусть дальше купается в своем самолюбии, я в этом участвовать не буду. Я — одиночка. И пытаться подбить меня под свои правила такое же бесполезное занятие, как вычерпывать океан ложкой.

В своих мыслях открываю дверь и в эту же секунду сталкиваюсь с ним взглядом. Как специально ждет меня.

С равнодушным видом отпускаю дверь, иду по крыльцу. Внутри ничего не екает и не дергается. Мне абсолютно никак даже под его пристальным, оценивающим взглядом. Сколько таких взглядов было за мои шестнадцать лет и не сосчитать.

— Эй, новенькая! — кричит он мне.

Я замедляю шаг, потому что знаю, что, если проигнорирую, он так и будет меня доставать. Лучше сразу показать свою позицию и его место. Останавливаюсь и смотрю на него. За его спиной стоят три девчонки и три пацана — целая армия поклонников его безудержного юмора и чего-то еще, к чему обычно тянутся такие, как вон та разукрашенная блондинка. Собственно, в том, что он самый популярный парень в школе нет никаких сомнений.

И дело даже не в том, что у него милая мордашка, о чем он наверняка в курсе. Дело в его надменности. Высокий, но смотрит на всех свысока так, будто у него рост не метр восемьдесят пять примерно, а все три метра. Голубые глаза такие большие, распахнутые, чтобы не упустить очередную жертву. Смотрит, как кот на мышь, и это выводит из себя.

— Ты не сказала, как тебя зовут, — говорит он. Как же его зовут? Совсем из головы вылетело.

— Лера, — отвечаю я.

— Пошли к нам, Лера, — ухмыляется он. — Пообщаемся, познакомимся.

Я смотрю на него и не понимаю: дурак что ли? Потом перевожу взгляд на девчонок и вижу, как они гневно перешептываются между собой, поглядывая на меня. Ревнуют его, глупые. Небось борьба идет за его внимание, за лишний взгляд в свою сторону. Как будто больше парней нет!

— Нет, не интересно, — отвечаю я и спускаюсь с крыльца.

— Так не пойдет, новенькая, — догоняет меня его голос. — Ты либо с нами, либо против вас.

— Я выбираю третье, — кидаю я через плечо. — Мне просто плевать.

И тут за моей спиной раздается гул. Я не только триумфально появилась, но и не менее триумфально ушла. Надеюсь, хоть немного понизила градус его самолюбия.

Иду по узкой улочке и пытаюсь вспомнить, где я теперь живу. Мы приехали два дня назад, и эти дни я разбирала вещи. Хорошо, что взяла в привычку записывать свой адрес — как бы смешно это ни звучало. Вбиваю адрес в навигатор, прокладываю путь и двигаюсь дальше.

Город красивый, конечно. Маленький, но чистый и уютный. Вдоль дороги возвышаются туи, рядом с домами высажены цветники. Климат здесь мягкий, теплый — и это, пожалуй, единственное, что радует меня. Учитывая, что приехали мы с севера, где я нормального лета так и не увидела. А здесь тепло, несмотря на начало октября, трава еще зеленая, цветы радуют буйством красок. С моря тянет приятной свежестью. Мне даже нравится здесь — впервые за последние пять лет. Хотя, может я просто стала старше и начала обращать внимание на такие вещи.

Возвращаюсь домой и сразу сталкиваюсь с мамой в прихожей. Она пытается создать уют в нашем очередном доме, наивно полагая, что мы здесь насовсем.

— Как дела? — спрашивает она, расставляя фотографии в рамках. — Как новая школа?

— Нормально, — отвечаю я и ухожу на кухню.

За что люблю частные дома, так это за большие, светлые кухни. Быстро окидываю взглядом белый кухонный гарнитур, высокий стол с каменной столешницей и сразу лезу в холодильник.

— Одноклассники как? — донимает мама. — Подружилась с кем-нибудь?

Я смотрю на заполненные полки холодильника, и аппетит резко пропадает. Захлопываю дверцу и поворачиваюсь к матери.

— Ну какие друзья, мам? Когда у меня в последний раз были друзья?

Мама протяжно вздыхает и силой усаживает меня за стол. Ставит передо мной тарелку и накладывает салат.

— Я понимаю, Лер, — тихо говорит она.

Я фыркаю и хватаюсь за вилку. Втыкаю зубчики в салат с такой силой, что они стучат и скрипят по тарелке. Ничего она не понимает. Замуж вышла уже после окончания университета, успела побыть нормальным ребенком и подростком. И не была лишена того, чего лишена я.

Самое смешное, что я даже не знаю, где мой родной город. Возможно, там, где живут бабушка с дедушкой, которых я ни разу не видела в живую. Лишь изредка болтаем по видеосвязи, но они чужие мне люди. Я никогда не была у них дома, не ела блинчики, не играла с дедом в карты. С самого моего рождения родители таскают меня по стране, иногда рассказывая мне истории, как я истерила в самолете. Смеются, вспоминая, как им было неловко. Только мне совершенно не смешно. Я самолет увидела раньше, чем первую игрушку.

В детстве это казалось забавным — переезды, новые города и впечатления. Из мегаполиса в поселок и обратно, из квартиры в частный дом. В садик я не ходила — мама никогда не работала, и не прошла ту социальную адаптацию, какую проходят почти все дети. В юности переезды перестали забавлять меня. Уже в четвертом классе я подняла первый бунт. Отлично помню, как сбежала из дома, лишь бы остаться там, где мне нравится.

Еще бы! Я так готовилась к первому в своей жизни выпускному, мне уже купили красивое платье, а у меня была важная роль — рассказывать стихи. Нас должны были повести в какой-то крутой парк развлечений, и я с дрожью в коленях ждала выпускного с начальной школы. А потом утром зашел папа и сказал, что через неделю мы уезжаем. За месяц до главного праздника в моей жизни.

Тогда мне казалось это предательством, я взяла свое платье и ушла из дома. Нашли меня, правда, быстро, но я не сильно пряталась. Не наказали, но я впервые рассказала о своих чувствах. О том, как мне это надоело. Родители покивали головой, привели домой и закрыли входную дверь на ключ. На всякий случай. Уезжала я с такими горькими слезами, что на пропускном пункте в аэропорту нас остановила полиция, подумав, что меня похитили. Вот где было неловко, а не когда я младенцем плохо переносила перелеты.

— Но если бы не папина карьера... У нас всего бы этого не было, — мама вырывает меня из мыслей и обводит руками помещение.

— Чего этого? — злюсь я. — Съемного дома? Нового чемодана? Головной боли от смены климата?

— Лер... — протягивает мама.

Я бросаю вилку в тарелку и поднимаюсь со стула. Каждый раз она пытается убедить меня, что так надо, что по-другому нельзя.

— Не надо меня убеждать, что это для моего блага! — почти кричу я. — Для моего блага мне нужен дом! Настоящий дом!

— Мы вынуждены, — оправдывается мать. — Ты же взрослая, понимаешь.

— Тогда не надо было ребенка заводить! — кричу я. — Катались бы вдвоем!

Не дожидаясь, пока мать начнет спорить или успокаивать, и ухожу в комнату. С силой захлопываю дверь и закрываюсь на замок. Достая из рюкзака скетчбук, беру черную ручку и начинаю рисовать. Это единственное, что у меня из постоянного. Это единственное, что успокаивает меня.

Рисовать я училась самостоятельно, скрашивая скучные часы в самолете, а потом месяцы одиночества дома. Когда у тебя нет друзей, невольно начинаешь заниматься чем-нибудь, чтобы не умереть от тоски.

Руки сами выводят овал лица, большие глаза, короткие волосы. Даже не понимаю, кого я рисую, но, когда появляются узнаваемые черты, смотрю на рисунок и медленно приходит

осознание. Фантазия сама дорисовывает голубой цвет глаз, улыбку. И какого черта это получилось у меня? Быстро выдергиваю листок и рву его на мелкие кусочки.

Глава № 4 Даниил

Смотрю, как новенькая ускользает за ворота школы, и не могу ничего сказать. Она не сказала «плевать», она плюнула в меня. В меня! Перед моими друзьями! Видимо, новеньким нужно правила под роспись на входе в школу раздавать.

Точно царица, иначе никак не назвать. Дерзкая, уверенная и не понимающая, что со мной лучше не ругаться. Я же могу такую сладкую жизнь устроить, что плакать будет.

Медленно поворачиваюсь к своим — они уставились на меня и не моргают даже.

— Что стоим? — говорю я. — Гулять идем?

Не дожидаясь их, сбегая по ступенькам и выхожу со школьного двора, подтягивая спадающий с плеча рюкзак.

— Да, уделала она тебя знатно, — хмыкает Вовчик.

— Заткнись, — рычу я. — Еще на коленях приползет проситься к нам.

— Хорош тебе, — успокаивает меня он. — Девчонок что ли мало?

Я молчу. При чем тут девчонки? Ее удостоили чести позвать в компанию, хотя еще ни одному новенькому такое не предлагали. А она показала свою дерзость. Нет, так не пойдет.

— Дань, пойдем на пляж сходим, — догоняет меня Полина и смотрит своими накрашенными глазами.

— Мне на треню скоро, — говорю я. — Завтра игра.

— Мы ненадолго, — ноет она. — Ну пойдем!

И жметя ко мне, пытается под руку взять. Делает это так небрежно, будто я не замечаю ее подкаты. Даже не ко мне, а к моему статусу и тому, кем я являюсь в школе. Не будь у меня всего этого она, и рядом бы не стояла.

— Сказал же нет! — отрезаю я. — У меня полчаса всего, потом домой.

Она обиженно надувает губы — еще одна ее дурацкая привычка. И где девчонки учатся этому? Только мне абсолютно фиолетово на ее обиды. Может прямо сейчас убежать плакаться в свою розовую подушку (наверняка у нее такая есть). Потому что у нее все розовое или близкое к этому: блузка, рюкзак, лак на ногтях, губная помада. Если бы не строгий дресс-код в школе, наверняка и брюки были бы розовыми. Вся такая ванильная, приторная девочка, от вида которой развивается сахарная кома.

— А можно с тобой на игру? — снова пищит Полинка. Ну вот, а я надеялся, что она эти полчаса будет молчать.

— Какая игра! — говорю я. — Учиться за тебя кто будет — Вовка что ли?

— Подумаешь, пропущу один день, — не унимается она.

— Нет! — резко говорю я. — Еще не хватало, чтобы класснуха мне потом за тебя высказывала.

Полинка не спорит и не соглашается. И правильно, пусть молчит лучше. Хлопаю Вовчика по плечу и ухожу в сторону дома.

Игра прошла, как и ожидалось, с полным разгромом соперников. Эти кривоногие могли бы и на поле не выходить, чтобы не позориться. Давно я так не смеялся над жалкими попытками отобрать мяч.

Тренер доволен, хвалил меня после игры. Да мне и выходить не нужно было на поле — мои пацаны сами бы разнесли этих неучей в щепки. Ни одного гола в наши ворота — это надо так постараться.

Захожу в раздевалку и не удерживаюсь от ухмылки при виде расстроенных лиц.

— Эй, парни, вам мяч только сегодня первый раз показали? — говорю я.

— Заткнулся бы ты лучше, — реагирует Рома — их капитан. — Посмотрим, как вы с десяткой сыграете.

— Уж надеюсь сыграем, а не как с вами — по полю ходили, — смеюсь я.

— Я с ними буду, — говорит он. — Потом не плачь, что просрал матч.

— Плакать я буду только от смеха! — реагирую я. — Когда порвем и вашу десятку, и тебя с ними.

— Встретимся на матче, — кидает Рома уже на выходе. — Платок не забудь.

Я смеюсь над его попытками уделять меня словами. Неужели он думает, что я боюсь? Мы лучшие в регионе — и это факт. Тренерская ломится от наших наград и грамот, а лица команды постоянно светятся в новостях. Даже такому сильному игроку, как Роман, только и остается, что плевать в нашу сторону. Потому что дотянуться не судьба.

По-другому просто быть не может. Я много лет тренируюсь, и не как все — лишь бы отмотать время, а усердно и честно. На поле выкладываюсь полностью, и требую того же от своей команды. Никакой пощады, никакого отлынивания. Не хочешь убиваться на тренировках — свободен, я легко найду того, что хочет. Тренер в этом мне полностью доверяет — свою команду я собрал сам. И парни боятся меня больше, чем тренера, потому что Сергей Евгеньевич может только наорать, а я и по шее дам, если нужно.

Многие родители жаловались на меня тренеру. Я подходил к ним и говорил честно: ваш сын — лентяй. А спорт таких не любит. Либо ты занимаешься, либо сиди дома и не позорь команду. Это вам не кружок очумелых ручек, где каждый за себя. Это команда. Сегодня ты пропустил тренировку, завтра не выложился на все сто, а послезавтра мы продули матч. Так и отсеялись все лентяи и часто болеющие. Вот уже почти год наша команда не меняется, потому что все привыкли к ритму, к режиму и моему авторитету. За это они получают кучу грамот, медалей и внимания от девчонок.

После игры иду в школу к своим. Уроки скоро закончатся, возвращаться домой нет никакого желания. Нужно рассказать своим, как опозорилась пятерка, а их капитан чуть не лопнул от злости.

Подхожу к школе как раз к звонку. Остаюсь на крыльце в стороне, наблюдая, как сначала вываливается малышня, потом старшие. Мои выходят не одни — с ними идет Динка. Диман держит ее за плечи и что-то говорит, видимо, опять заставляет сделать за него какой-нибудь реферат или проект. Она сжалась в его руках, прижимая к себе свой потрепанный рюкзак. Как обычно, смотрит только под ноги, потому что боится. Я молча наблюдаю, прижавшись плечом к бетонной опоре на крыльце.

Они останавливаются на крыльце, и Дина пытается ускользнуть, но Диман не позволяет. Она качает головой и сжимается еще сильнее, настолько, что на спине вырастает горб. Не ищет защиты, не просит пощады, как и всегда, впрочем. Динка типичная одиночка, с ней даже лузеры не общаются, да и никто не общается. Учителя пытаются защищать, но получается плохо — сильные не любят слабых и тех, кто не с ними на одной волне. Таков уж школьный мир: либо ты, либо тебя.

Есть еще третий вид, так называемые среднячки. Их не травят и почти не трогают. Обычно они умные, либо богатые. В первом случае их используют в учебе, во втором — для совместных гулянок. Либо они просто нормальные, но до сильных немного не дотягивают, травить их не интересно, поэтому они спокойно учатся в школе.

Диман хватает рюкзак Дины, вырывая его из рук, и кидает Вовчику. Он ловит у самой земли и кидает обратно. Волейбол рюкзаком — примитивно, по-детски, но очень популярно даже в старшей школе. Динка молчит и почти плачет. Хотя должна уже привыкнуть к такому.

С Динкой мы учимся вместе с первого класса, и она всегда была такой — жалкой, бесхребетной. Она дает списать, помогает решать контрольные, но серая мышь. Одевается бедно,

вечно потрепанная, а рюкзак не меняла, походу, с пятого класса. И, наверное, ее бы давно оставили в покое, потому что не очень интересно травить того, кто не дает отпор. Но она стучит! Видимо, за это сейчас и летает ее рюкзак между пацанами. Обычно парни не трогают девчонок — этим занимаются другие девчонки. А там иные принципы: не модный — лузер, не красишься — лузер, нет нормальной одежды — тоже.

Пацаны продолжают кидаться ее рюкзаком, который и так на последнем издыхании. Смеются над ней, пока она молча смотрит себе под ноги. Смирненно ждет, когда это прекратится.

Открывается дверь, из школы выходит Лера. Пару секунд смотрит на Дину, потом на летающий рюкзак. А это уже интересно — что она будет делать? Подхожу ближе, но не вмешиваюсь, оставаясь в стороне.

Она подходит к Вовчику, держащему рюкзак Дины и замирает напротив него. Смотрит в самую душу через глаза. Вовчик молчит.

— Отдал, — говорит она совершенно спокойно. — Быстро.

— Иначе что? — смеется Вовчик.

Лера смотрит на него исподлобья с ненавистью и гневом. Какая же она дерзкая! И ведь не боится вмешиваться в конфликт спустя два дня учебы. Она протягивает руку и резко выхватывает рюкзак. Раздается сухой треск ткани и рвется лямка. Дина ахает и закрывает рот рукой, глядя на это. Лера смотрит на порванную лямку с замешательством на лице. Вот так помогла!

— Скажи родителям, пусть новый купят, — говорит Полина со своим привычным презрением. — Хватит позориться!

Лера забирает рюкзак и поворачивается к Полине. Та застывает на месте от гневного взгляда, устремленного в нее, но молчит. Лера ничего не говорит, поворачивается и сует Дине рюкзак в руки. Потом быстро встречается со мной взглядом, всего на секунду, но этого достаточно, чтобы по спине побежал холодок.

Толкает Дину в спину, и они обе уходят. После ворот расходятся в разные стороны.

Глава № 5 Лера

Эта школа нравится мне все меньше и меньше. Иду на уроки, как на казнь, хотя отучилась всего два дня. Вчера поняла одну важную вещь — компашка этого индюка строит из себя богов. И они еще пытались втянуть в это меня.

Пришлось заступиться за неудачницу Дину — не потому, что мне ее жалко. А потому что я ненавижу таких, как эти придурки. Ничего ценного из себя не представляют, а хотят казаться царями. Сразу видно — пытаются угодить своему главарю. Собственного мнения нет, вот и заглядывают в рот тому, кто якобы круче.

Его вчера не было в школе, но они всячески пытались показать, что его дело живет и без него. Стадо баранов.

Слышала вчера, как светловолосая Полина и темноволосая Кристина обсуждали его. Какой он красивый, сильный. Тьфу, аж тошнота к горлу подступила. Вот же дуры!

Захожу в класс и вижу картину маслом. Вся их компашка расселась по разным партам. И смотрят на меня, ждут, к кому же я подсяду. Поиграть со мной решили?

С каменным лицом двигаюсь к первому ряду, где за третьей партой сидит этот хмырь и сверлит во мне дыру. Я тоже смотрю на него — кто кого переглядит. Кидаю рюкзак на вторую парту и сажусь с Диной. За спиной раздаётся смешок, и мне хочется воткнуть ему ручку в глаз.

Дина с легким испугом смотрит на меня и отодвигает свою тетрадь. Надеюсь, она не начнет со мной разговаривать. Я достаю из рюкзака ее тетради и кладу рядом с ней.

— Спасибо за конспекты, — говорю я. — Хорошо, когда в классе есть умные люди.

Она быстро смотрит на меня, смущенно кивает и отворачивается. На секунду мне становится ее жалко — запуганная, униженная, не умеющая даже принимать благодарности. И тут же накатывает злость на тех, кто сделал ее такой. Но быстро успокаиваюсь — это не мое дело.

Урок литературы проводит классный руководитель, и сначала все идет нормально. Я слушаю учителя, веду конспект и в целом показываю себя старательным учеником. А потом нам задают выполнить тест. Конечно, я к нему не готова и вообще понятия не имею, о чем речь. Что же, придется сдать пустой листок.

Но тут происходит неожиданное. Дина толкает в мою сторону листок с ответами. Я быстро переписываю и отодвигаю листок назад. Может, и не так все плохо, как я думала.

— Эй, Динка, дай списать, — слышу я за своей спиной.

Она нерешительно берет листок и хочет передать ему, но я резко кладу ладонь на ответы, впечатывая листок в парту. Беру его и свой лист, демонстративно поднимаюсь и отношу ответы на учительский стол. Снова мы смотрим друг на друга, но теперь на моем лице улыбка победителя. Он слегка прищуривается, взгляд испытывающий, изучающий. Только меня этим не запугать — пусть смотрит, пока глаза не лопнут, я спокойно выдержу это.

Сажусь за парту и откидываюсь на спинку стула.

— В опасные ты игры играешь, новенькая, — говорит он.

Я лишь хмыкаю. Нашел кого пугать. Пусть своих размулеванных красоток пугает, а не меня. Я в таких школах училась, где его дерзость засунули бы ему в одно место.

Со звоном я поднимаюсь со стула и быстро закидываю вещи в рюкзак. В этот момент Даня проходит мимо и нарочно толкает меня плечом, делая вид, что он случайно. Мне приходится схватиться за парту, чтобы удержать равновесие. Обидели бедного мальчика, и теперь он пытается вернуть себе контроль физической силой. Поступок настоящего мужчины! Я сжимаю зубы, но молчу.

На втором уроке они снова сели вместе, а осталась с Диной. Хотела уйти на заднюю парту, чтобы быть в одиночестве, как я привыкла, но не стала. Компашка что-то активно обсуждает и хихикает, что аж скулы сводит.

Я старательно не обращаю на них внимание и слушаю учителя. Дина тоже молчит, и я рада этому. Надо бы сказать ей, что подругами мы не станем, а вчерашнее было разовой акцией. Я не собираюсь ни за кого заступаться — пусть учится делать это самостоятельно. Но потом смотрю на нее, на ее сгорбленную спину, страх в глазах и понимаю, что вру сама себе. Заступлюсь, если потребуется. Но надеюсь, что не потребуется.

Когда ты заступаешься за человека, когда начинаешь его защищать, то невольно привязываешься и чувствуешь ответственность за него. А мне это не нужно. Десятый класс я отучилась именно так — без друзей, почти без общения, и все было классно. Сюда я уезжала с полным безразличием к тому, что оставляю школу и одноклассников. Даже радовалась переезду из вечно холодного города.

Учитель выходит из кабинета, все начинают шушукаться и хихикать. Я смотрю в свою тетрадь, рисую полоски на полях и не вникаю в происходящее вокруг. Как ко мне подкрадываются сзади я тоже не замечаю.

Понимаю это только когда чувствую, что мне на голову что-то надевают. Быстро подскакиваю со стула.

— Новенькая посвящается в лидера изгоев! — смеется рядом со мной Вова. — Главный лузер среди лузеров! Аплодисменты, друзья!

И начинает хлопать в ладони. Половина класса подхватывает и тоже хлопает, смеется. Конечно, больше всего радуется эта ненормальная компашка, их распирает от счастья.

Кулаки сжимаются произвольно, лицо вспыхивает от ярости. Я провожу рукой по голове и хватаю листок. Смотрю на него — вырезанная из бумаги корона и на ней крупными буквами написано «Лузер». А они все смеются и тыкают пальцами.

Я уже не просто злюсь. Я закипаю внутри. Ярость поднимается к самому горлу, и сдерживать ее невозможно. Хочется плюнуть в лицо каждому, кто сейчас ржет, но больше всего тому, кто стоит передо мной. Пока только он моя цель.

Я сминаю корону, делаю шаг к Вове и хватаю его за воротник рубашки. Он резко перестает смеяться и останавливает взгляд на моем лице. Его зеленые глаза не двигаются совсем, словно пытаются что-то увидеть внутри меня. Вова выше, сильнее — это факт. Но я не боюсь. Я хочу влить ему по наглой морде, приложить башкой об парту, чтобы на лбу выросла шишка размером с небоскреб.

— Я тебе сейчас это в задницу засуну. Хочешь? — говорю я.

— Ну попробуй, — спокойно отвечает он, разжимает мои пальцы и скидывает со своей рубашки.

Я смотрю на него, он смотрит на меня. Но главное — я не вижу в его глазах ни презрения, ни неприязни. Только интерес. И понимаю, что делает он это только для одобрения своего друга, а не потому что хочет так. Где-то там, возможно, скрывается нормальный парень со своими мечтами и чувствами.

Я выпрямляюсь, кулаки разжимаются. Не отводя взгляда, говорю ему:

— Можешь передать своему хозяину, что тебе удалось унижить меня. Возвращайся и получи награду за хорошую работу.

Его глаза распахиваются от удивления и чего-то еще, чему я не могу найти объяснение. Цель достигнута. Но решаю добить. Беру его руку, кладу на ладонь смятую корону и сжимаю его пальцы. Он даже не сопротивляется, но расширяются зрачки. Я бережно держу его кулак в своих ладонях и смягчаю взгляд.

— Мне это не нужно. Я не король лузеров. Я просто лузер. Перепишите надпись и наградите истинного короля. Своего короля.

Он молчит. Все молчат. Я все еще держу руку Вовы и смотрю за его реакцией. Кажется, в его глазах плещется уже не просто интерес, а симпатия. Он не одергивает руку, не фыркает и не смеется. Ему не неприятно, что я касаюсь его, а может и нравится. Так даже лучше.

Отпускаю его руку со звонком. Хватаю рюкзак и под молчаливые взгляды ухожу из кабинета. Этот бой я выиграла.

Глава № 6 Даниил

Если бы мне так сильно не хотелось ее унижить, я бы, наверное, даже зауважал ее. Вся эта сцена с короной показала, что ее не так просто сломить. Сильная, зараза. Но и мы не пальцем деланные.

После уроков сразу идем на берег. Настроения вообще нет, всю дорогу молчу, хотя Полинка что-то зудит под ухом. Кристина зудит с другой стороны. Как же иногда раздражают эти девицы!

— Что будем делать с ней? — спрашивает Полина, когда мы оказываемся на берегу.

Я сажусь на круглый камень и впиваюсь взглядом в лазурное море. Обожаю это место, особенно ночами и в те моменты, когда я здесь один. Перед глазами — только море, из звуков только плеск волн у берега. Днем здесь шумно — много гуляющих и плавающих. Море еще теплое, приятное, курортный сезон хоть и закончился, но туристов пока привлекает. Местные здесь бывают редко, выбирая скрытые от чужих места, где чище и меньше людей.

— Давайте просто оставим ее и все, — предлагает Вовчик.

Я поднимаю на него взгляд и фыркаю:

— Ты запал, походу, на нее.

— Нет, — возмущенно отвечает друг, но я знаю, что запал. Видел его глаза после их стычки.

Вовка даже не сразу с места сдвинулся, когда новенькая ушла. Смотрел ей вслед, сжимая в руке бумагу. Потом подошел к парте, как в трансе, с пустыми глазами. Я уж испугался, что она его гипнозом взяла. Нет, она точно сыграла на его мужской струне, и ему это понравилось.

— Может, тебе переметнуться в их команду лузеров? — предлагаю я.

— Фигню не неси, — обижается он.

— Это ты фигню несешь. Что значит оставим? Она уже... трижды унизила нас, а мы сделаем вид, что ничего не было? Чтобы потом над нами весь класс и вся школа ржала?

— У нас завтра лабораторная по химии, — говорит Полина. — Давайте красители возьмем и подкрасим ее одежду.

— Вот и займись этим, — киваю я.

Глупо это все, конечно, но азарт уже захватил нас. Я не для того так долго зарабатывал свой авторитет, чтобы какая-то девчонка разрушила его. Это уже не просто принцип, это настоящая война. И ей победителем из нее не выйти.

Мне интересно посмотреть — как она будет выкручиваться. Сегодня она вышла с достоинством, признаю. Девчонка не из робкого десятка, цену себе точно знает. Но кто она против системы? Против устоявшегося, сплоченного коллектива, где лидер быстрее руку себе откусит, чем даст унижить себя.

И мне даже самому ничего не придется делать — за меня все сделает моя команда. Мне останется только наблюдать, как ее дерзость слетает с лица, а она остается чистым лузером.

После прогулки возвращаюсь домой уже поздно вечером. Медленно бреду под лунный свет. Домой совсем не хочется. Но ноги уже ведут меня на узкую улочку, к маленьким старым домам, к жизни, где от прежнего меня ничего не остается. Ненавижу это место и себя в этом месте я тоже ненавижу.

В окнах горит свет, и я аккуратно захожу домой. Скидываю обувь и крадусь в свою комнату. Каждый раз, заходя сюда, я надеюсь, что увижу изменения. Что вместо старого, сломанного стола окажется новый. Что вместо прожженного ковра появится современный пол. Что вместо запаха алкоголя и табака будет запах дерева. Но снова ничего не изменилось.

Бросаю рюкзак и хочу взять телефон, как в комнату заходит отец.

— Деньги есть? — говорит он, удерживаясь за косяк.

— Нет, — коротко отвечаю я.

— Ты же подрабатываешь, — еле выговаривая слова, говорит отец.

— Я подрабатываю, чтобы одежду себе покупать и тетради для школы, — спокойно говорю я.

— Значит, заработай еще. Мы зря что ли тебя воспитывали все твои пятнадцать лет!

— Мне семнадцать вообще-то, — напоминаю я.

— Да плевать, — рычит он и уходит.

Я захлопываю за ним дверь и открываю настежь окно. Вдыхаю запах травы и морского воздуха. С трудом подавляю желание выпрыгнуть в окно и уйти отсюда — куда угодно, лишь бы подальше.

Остался год. Потом — армия и свободная жизнь. Я уже представляю, как уезжаю из этого города, снимаю квартиру, устраиваюсь на работу и живу. Один. Осталось только продержаться этот год, закончить школу, не потеряв лицо.

Снова накатывает злость на эту девчонку, которая пытается меня унижить, забрать у меня то единственное место, где я сильный и властный. Беру телефон и захожу в социальную сеть, чтобы найти ее. Узнать ее слабости и страхи, а потом надавить на них.

С трудом нахожу ее страницу, захожу и листаю посты, фотографии. Ничего интересного, разве что они с семьей часто бывают в разных городах. Мажорка. Вот откуда у нее такая уверенность в себе — родители небось в задницу целуют свою дочурку. И за это я еще больше ее ненавижу.

Наверняка думает, что богатый папочка встанет на защиту. Знает, что за ее спиной настоящая родительская броня, которая не позволит обижать ее. Тем хуже для нее — большее падать будет со своего пьедестала.

Странно только, что новенькая с Динкой связалась. Такие девицы обычно выбирают подруг из похожих на себя — богатых, модных, красивых. Хотя понятно, что она меня позлить хочет, а на самом деле запуганная Дина ей не сдалась. Поэтому и на перемены она с ней не выходит — стыдится.

Листаю фотографии и понимаю, насколько они разные с Полиной и Кристиной. Может, она мажорка и выскочка, но не пытается скрывать лицо за тонной косметики или яркой одеждой. И это ее не портит, а даже наоборот. Полинка иногда даже разговаривает с трудом — настолько толстый слой штукатурки на лице. Она уже пару лет подкатывает ко мне, а я как представляю трогать этот цемент, эту ненастоящую кожу, меня в дрожь пробивает.

Лерка косметикой почти не пользуется, либо пользуется так, что это не заметно. Я не силен в женских штучках, но ее светлая кожа кажется настоящей. На глазах нет этих страшных стрелок до висков, а глаза не прячутся под толстыми черными ресницами.

Вспоминаю, как она смотрела на меня на уроке литературы. Этот прожигающий ненавистный взгляд, нацеленный строго в глаза, словно там — мишень, в которую нужно попасть. Есть что-то в этом взгляде. Что-то меня в нем цепляет. Наверное, она бы могла мне даже понравиться, не будь она такой колючей. Или... не будь она такой колючей, стала бы обычной, как все. Скудной, предсказуемой, мягкой. Такой, как Полина и Кристина. Такой, какие отталкивают от себя.

Кажется, меня несет не в ту степь. Посмотрим, насколько она сильная и как быстро она позовет своих богатеньких родителей на помощь.

В нашу группу приходит сообщение, и я быстро открываю его.

«Ребята, в воскресенье идем на пикник в лес. Все помнят?» — пишет класснуха.

Блин, я и забыл. Но это возможность встретиться на нейтральной территории, где столько всего можно устроить, напугать и запугать. Улыбаюсь и пишу ответ:

«Только давайте все вместе, а не как обычно половина класса только приходит».

«За нами приедет автобус, оплачено за всех» — пишет Елена Викторовна.

Что же, посмотрим, какая ты вне школы, Лера. И как ты будешь выкручиваться из неприятностей, которые мы тебе устроим.

Урок химии стоит последним. Мы ведем себя относительно тихо, старательно делаем вид, что мы прилежные ученики. Я знаю, что Полинка стащила на перемене краситель, и теперь только наблюдаю за ней.

Вовчик рядом со мной притих — ему не сильно это нравится, а мне не нравится, что он так ведет себя. Но не спорит, потому что это бесполезное занятие.

У нас идет лабораторная работа. Мы смешиваем, химичим, записываем. Вижу, что Полинка смешивает в отдельной колбе воду и краситель синего цвета. Получается жидкость насыщенного оттенка — такую наверняка трудно отмыть от кожи, а свою белую брендовую блузку и вовсе придется выбросить.

Полинка поворачивается ко мне и улыбается. Я киваю. Осталось только дожидаться нужного момента, чтобы перед учителем это выглядело как случайность. Не хочется снова выслушивать нотации от класснухи и директора. Я столько раз был в его кабинете, и каждый раз они пытаются вызвать моих родителей в школу. Но как вызывать то, чего нет?

И вот тот самый момент. Лера поднимается со стула и несет пробирки к окну. Полина тоже встает, хватая свои инструменты, колбу и подходит к подоконнику. Ждет, когда новенькая обернется или подвинется. Но Лерка делает все медленно, наверняка чувствуя взгляд на своей спине. Издевается, испытывает терпение.

Наконец, новенькая оборачивается, и мы с Вовкой замираем в ожидании. Девчонки встречаются взглядами, и Полинка совсем незаметно выплескивает на Лерку краситель.

Новенькая сначала возмущенно вздыхает. Потом переводит взгляд на растекающееся синее пятно на блузке и оттопыривает ткань, чтобы краска не попала на кожу. Смотрит внимательно, видимо, готовит план мести или очередную речь. Только с Полиной ее женские фокусы не прокатят. Соблазнить ее, как Вовку не получится, как и растрогать.

— Ой, — говорит Полина и хихикает. — Как неудобно получилось.

— Что у вас там, Маркова? — подает голос учитель Сергей Константинович.

— Иди, пожалуйста, — говорит Полинка и снова хихикает.

Я наблюдаю за ними, за растерянными глазами Леры и на секунду мне даже становится жалко ее. Но война есть война, поэтому жалость быстро проходит. Будем считать, что мы ее поместили в лузеры. Обряд посвящения в изгои прошел успешно.

Но, надо отдать ей должное, она не торопится жаловаться или возмущаться. Понимает, что она практически одна против всех. И мне жутко интересно — что она сделает: молча уйдет, накричит или... что?

И хотя я ее ненавижу, она меня не разочаровывает. Быстро хватая с подоконника бутылку с водой, поднимает над головой Полины и с силой сжимает ее. Вода резким потоком выливается на светлые волосы, лицо и одежду Полины. Та вскрикивает и прячет лицо в ладони. Вся ее броня на лице стекает с водой, капает на розовую рубашку, оставляя темные пятна.

По классу несется гул, все оборачиваются на девчонок и смотрят. Одна — с синим пятном на блузке, вторая — с растекающейся по лицу тушью. Весело. Конечно, это не остается без внимания учителя, который подскакивает со своего места и направляется к ним.

— Ах ты, падаль... — пищит Полинка и вытирает лицо рукой.

— Кажется, у тебя тушь потекла, — спокойно говорит Лера и хватая с подоконника тряпку.

Полина не успевает ничего сделать, как на ее лице оказывается грязная, вонючая тряпка, вытирающая остатки косметики. Мы смотрим на это с раскрытыми ртами. Учитель прибавляет

шаг, когда Полинка начинает кричать и вырываться. Но Лера хватает ее за шею и трет тряпкой еще сильнее.

— Разошлись! — кричит учитель.

Но они его не слышат. Полинка вырывается, кажется, просит у нас помощи. А мы смотрим и не вмешиваемся. Хоть посмотрю на нее без косметики.

Учитель с силой отрывает Леру от уже плачущей Полинки.

— Обе останетесь убирать кабинет! — рычит он. — Сели быстро!

Лера вырывает руку и уходит за свою парту. Лохматая и чумазая Полинка медленно бредет к себе. Это было неплохо, хоть и напоминает глупую потасовку в детском саду.

И тут новенькая оборачивается и смотрит на меня своими холодными глазами. Даже в кабинете холоднее стало от ее взгляда. Но я его выдерживаю и просто смотрю на эту ненависть, жажду отмщения. Потом подмигиваю ей и улыбаюсь, а ее лицо кривится в ответ.

Конечно, не обходится без звонка классному руководителю. Елена Викторовна заходит в кабинет, слушает учителя, а потом окидывает взглядом девочек.

— Что произошло? — говорит она.

Девчонки молчат. Жаловаться — первый признак лузерства, поэтому Полинка, естественно, ничего не скажет. Лера тоже молчит.

— Останетесь убирать кабинет, — говорит класснуха. — Еще раз такое произойдет, я позвоню вашим родителям!

— Я не останусь с ней! — пищит Полина.

— Я останусь вместо Полины, — говорю я, и все оборачиваются.

— С тобой, Кириллов, мы еще побеседуем, — рычит класснуха.

— Давайте в кино ходим, там и побеседуем, — улыбаюсь я.

— Молчал бы лучше! — ругается Елена Викторовна. — Еще раз будет драка в классе, и мы выберем нового старосту!

И уходит, оставив после себя тихий шепот в классе.

Нет, я не занимаюсь альтруизмом, и мне не жаль Полину. Мне хочется остаться с новенькой вдвоем, даже не понимаю почему. Может, пакость какую-нибудь сделаю ей, что-то унижительное и незабываемое, раз мои друзья не справляются.

Глава № 7 Лера

Когда эта мразь вылила на меня краситель, я хотела сдержаться. Честное слово, хотела! А потом внутри меня что-то лопнуло — терпение, походу. Не понимаю, что им нужно от меня! Хотя, глядя на запуганную Дину, можно понять, что они это делают просто так для собственного удовольствия. Наверняка выбрали меня как новую мишень для битья, и это срывает все барьеры.

Я делала все на автомате, руки сами схватили бутылку, потом тряпку. Сильно захотелось смыть с этой накрашенной куклы ее ненастоящее лицо. Обычно я так не делаю, конечно, но ситуация вынудила.

Даже не заметила, как подошел учитель и оттащил меня. Только в этот момент я поняла, что скатилась до их уровня. Знаю ведь, что с такими есть только один метод борьбы — полный игнор. А пока ты ведешься на их выпады, так и будешь для них интересен.

Ругаюсь на себя и иду за парту. Ненавижу эту школу. Пожалуй, это худшее место учебы, в котором я была. Оборачиваюсь на главаря их банды и хочется плюнуть ему в довольное лицо. А он смотрит, глаза ухмыляются, снова купается в своем превосходстве. Идиот.

Еще и останется со мной убирать кабинет. Вообще здорово! Лучше бы свалили все, и оставили меня одну. Перед классным руководителем опозорилась, теперь и учитель химии на меня обозлится. Как же хочется провалиться сквозь землю! Приду сегодня домой и поблагодарю родителей за выбор такой шикарной школы.

Классный руководитель кидает, что еще одна драка и слетит корона с чьей-то головы. А это идея! Ради такого можно и подраться разок, чтобы посмотреть, как его опускают с Олимпа. Как он становится простым смертным. Хочет войны? Будет ему война!

Заканчивается урок, и я остаюсь в классе. Неспеша складываю вещи в рюкзак, слыша, как он разговаривает со своими. Они хотят остаться все, видимо, чтобы зажать меня в углу и снова устроить какую-нибудь пакость. И от этого становится немного страшно. Одной против толпы мне не выстоять — и это факт. Никакой дерзости не хватит рядом с их физической силой. Но я не показываю этого. Пусть делают, что угодно, но мой страх они не увидят.

Слышу, кто-то приближается ко мне со спины. Оборачиваюсь и вижу Полину. Она подходит и останавливается напротив меня.

— Ты пожалеешь об этом, — говорит она.

— Хорошо, — спокойно отвечаю я.

Она не отвечает, лишь морщит нос от брезгливости и уходит.

— Сказала бы спасибо, что я твою мордашку вытащила из плена косметики, — говорю ей вслед. — Пусть хоть твои друзья увидят, как ты выглядишь на самом деле.

Полина резко останавливается и замирает на месте. Вся их компания замирает.

— В отличие от тебя, я умею пользоваться косметикой, — пытается задеть меня Полина.

— Мне это не нужно, — спокойно говорю я. — Мне нечего скрывать. Я не стесняюсь своей внешности. Тебе бы тоже научиться любить себя такой, какая ты есть. — замолкаю и жду ее реакцию, но она молчит. — Кстати, без косметики ты намного симпатичнее.

Она поворачивается ко мне и кидает изумленный взгляд. Думала, я скачусь до оскорблений? Буду подражать ей и унижать? Или я задела ее правдой?

— Что привело тебя к этому? — добиваю я. — В детстве была гадким утенком? Твоя сестра красивее тебя? Кто-то обидел, сказав, что ты некрасивая? Или так отчаянно хочешь понравиться кому-то?

— Да... ты... — заикается Полина и делает шаг ко мне.

Хочет вцепиться в волосы, знаю. Или своими длинными ногтями воткнуться в лицо — это я тоже уже проходила. Остаюсь на месте и жду. Пусть подходит.

Она делает еще два шага ко мне, но ее останавливает Даня. Неожиданно.

— Иди домой, — говорит он ей. — На сегодня хватит.

— Но она... — пытается сопротивляться Полина.

— Иди, я сказал! — он повышает голос, и она вынуждена подчиниться.

Кидает в меня последний взгляд, разворачивается на каблуках и уходит вслед за своими друзьями. Мы остаемся вдвоем.

В классе тишина, лишь вдалеке слышны крики уходящих домой школьников. Пахнет реактивами, мелом, потом и его туалетной водой. Что-то терпкое, с ноткой бергамота и мускуса. Не сильно резкое и довольно приятное. Но непривычное для молодого парня — обычно они выбирают резкий, вонючий парфюм, чтобы перебивать запах пота.

— Что, королева лузеров, долго стоять будем? — говорит он. — Или убираться начнем?

— Ты можешь идти, я сама справлюсь, — отвечаю я и возвращаюсь к партам.

Подхватываю стул, с грохотом ставлю на парту. За спиной слышу такие же звуки и не оборачиваюсь. Делаю все на автомате: хватаю стул, переворачиваю и ставлю на парту. И так до тех пор, пока не заканчивается первый ряд. Оставляю Даню с партами, беру пробирки и подхожу к раковине.

Лучше бы он ушел! Еще это пятно на блузке — и как домой идти в таком виде? Не матери же звонить, чтобы одежду принесла. Отмывать это, конечно, бестолку, и кофты с собой у меня нет. Какой позор. В таком виде придется выйти на улицу, где наверняка будет толпа школьников.

Молча злюсь и яростно отмываю пробирки. Шумит вода, в ушах стоит гул крови, и я не слышу, как Даня подходит к раковине. Встает рядом со мной так близко, что его рука задевает рукав блузки. Хватает тряпку, сует под воду, где уже мои пальцы оттирают грязь со стеклянной стенки и нагло отодвигает мою руку. От касаний его пальцев у меня что-то сжимается внутри, и на пару секунд я перестаю дышать.

Убираю пальцы от воды и жду. Не отхожу, и мы почти прижаты друг к другу руками. Если отойду, он поймет, что я смущаюсь или сдаюсь. Ну уж нет. Но он так долго моет эту несчастную тряпку, что начинает бесить. Кажется, он делает это специально. Специально выводит меня из себя.

— Господи, чего ты ее намываешь! — не сдерживаюсь я. — Возьми новую, чистую!

— Привычка, — неожиданно говорит он, тут же захлопывает рот и отступает.

И что это было? Сболтнул лишнего? Да плевать, даже если он на самом деле не человек, а енот-полоскун.

Убираю пробирки, краем глаза наблюдая за Даней, как он тщательно моет подоконник. Странно, что не кидает свои дурацкие шуточки в мой адрес. Я думала, он остался, чтобы продолжать унижать меня, сделать это так, как умеет только он. Пока я видела лишь работу его друзей, может, по его плану, но он же не участвовал! А так хочется сказать ему все, что я о нем думаю!

Достаю половое ведро, ставлю его в раковину и набираю воду. Сейчас быстро помою пол и убегу домой. Побыстрее бы отделаться от его общества, и прошмыгнуть мимо толпы. Прижму рюкзак к себе — так будет менее заметно пятно.

Выключаю воду, хватаю ручку ведра, и Даня снова оказывается рядом. Да что же такое!

— Дай сюда, — говорит он, выхватывает у меня ручку и вытаскивает ведро из раковины. Относит в середину кабинета и ставит на пол. И удивляет меня еще больше.

— Я и сама бы справилась, — бубню я.

— Надорвешься, потом отвечай за тебя перед класснухой, — говорит он.

— Не надо за меня отвечать! — восклицаю я. — Тоже мне герой. Обиженный на жизнь мальчишка, который считает, что ему все можно.

— И это говорит избалованная девчонка с золотой ложкой во рту, — фыркает он. — Добровольно выбравшая лузеров себе в друзья.

— Да лучше дружить с лузерами, чем с таким придурком, как ты! — говорю я и хочу запулить в него швабру. — Они хотя бы настоящие! А что настоящего в тебе? Или в твоих друзьях? Все они в рот тебе заглядывают, а как прижмет, сбегут, как крысы! Потому что это не дружба, это борьба за статус!

— Что ты понимаешь в дружбе и статусе, — фыркает он. — У тебя друзья-то хоть были когда-нибудь? Или только на картинках?

Он замолкает, и я отворачиваюсь, чтобы он не видел мое красное лицо. Задел. Обидел. Нажал на самую болезненную точку. И мне бы ответить что-нибудь в его духе, но на ум ничего не приходит.

— Да пошел ты... — только и могу вымолвить я.

В полной тишине я домываю пол, думая только о том, как отомщу ему за его слова. Покажу, что его друзья — фикция, как и он сам. Останется один, и будет вынужден примкнуть к лузерам, потому что такие, как он, не умеют быть в одиночестве.

Он куда-то уходит, и я радуюсь, что наконец-то осталась одна. Спокойно отжимаю тряпку, но Даня появляется снова. Сует мне в руки черную кофту и подхватывает ведро.

— Не позорься до конца, — говорит он, выливая воду. — Завтра кофту верни в наш кабинет — это чья-то забытая вещь.

Я фыркаю и хочу сунуть кофту назад, но молчу. Не понимаю, что лучше: позориться, что приняла от него помощь или позориться на улице.

Не глядя на меня, Даня убирает ведро, моет руки, кидает, чтобы я закрыла кабинет и уходит. Я смотрю на кофту в своих руках и вздыхаю. Что же, наверное, я не такая уж и гордая. Натягиваю ее на себя, застегиваю под самое горло, подхватываю рюкзак и ухожу.

Возвращаюсь домой, кидаю кофту на стул и выкидываю блузку. Отстирать это невозможно — даже пытаться не стоит. А если увидит мама, то начнет задавать вопросы. Меньше всего мне хочется делиться с ней и рассказывать, что стала жертвой буллинга.

Ложусь на кровать, беру скетчбук и рисую. Снова даю волю рукам, и они вырисовывают лицо, густые кудрявые волосы, ровный нос. Присматриваюсь — Полина. Она и правда хорошенькая без косметики и своей тупой ухмылки. Спокойно дорисовываю ее, вывожу аккуратные линии на волосах и лице.

Но меня не оставляет в покое этот запах — бергамот и мускус. Впечатался в нос, и я ощущаю его. Какой въедливый парфюм! Чешу нос, нюхаю блокнот, чтобы перебить запах, но он не уходит. Преследует меня.

Тут ручка застывает над блокнотом. Сначала минуту я думаю и пытаюсь оттолкнуть от себя эту мысль. Но потом сдаюсь под ее давлением, кладу ручку и поднимаюсь с кровати. Медленно, будто могу что-то изменить, подхожу к стулу и беру кофту. Подношу к лицу и вдыхаю ее запах. Так и есть. Бергамот, мускус, и догоняет их едва уловимый запах лимона. Это его запах. И его кофта.

Глава № 8 Даниил

Стоим возле кабинета и ждем начало урока. Обсуждаем поездку на пикник — это должно быть весело, особенно, если поедут все. Полинка сегодня почти не накрашенная — и я крайне удивлен. Но Лерка права — так ей даже лучше. Вовчик внимательно смотрит мне за спину, и я оборачиваюсь. Новенькая. В руке — пакет с моей кофтой. Надеюсь, она не поняла, что это моя вещь, а то объясняться придется, а мне этого не хочется. Я и сам не понял, зачем сделал это, что за порывы такие.

Видел, с какой печалью в глазах она разглядывала пятно на блузке, и стало жаль ее. Выйди она в таком виде на улицу, будет поднята на смех всей школой. И я бы должен порадоваться этому, но почему-то произошло обратное. Дурак — что с меня взять.

Толкаю Вовку в плечо, чтобы перестал пялиться. Он очухивается и переводит взгляд на меня. Новенькая проходит мимо и сразу ныряет в класс. Мы ждем звонка и тоже заходим.

Елена Викторовна ждет, пока мы рассядемся по своим местам и окидывает взглядом присутствующих.

— Сегодня вместо урока мы поговорим о ваших взаимоотношениях друг с другом, — говорит она, дождавшись тишины в кабинете. — Вчерашняя ситуация на уроке химии показала, что, оказывается, у меня класс не взрослых одиннадцатиклассников, а ясельная группа.

Она облакачивается на свой стол и продолжает:

— Я с вами с пятого класса и первый раз вижу, что вы так относитесь к новому человеку. И у меня нет слов, честно. Мне рассказали, что вчера был не первый случай, и я крайне удивлена этому.

Я упираюсь взглядом в затылок новенькой — настучала все-таки. Или это не она? Динка, небось, она любит этим заниматься. Попыталась спасти своего заступника, не понимая, что делает только хуже обеим.

— Даниил, — говорит учитель. — Что ты скажешь на это? Ты ответственный за класс, и я думала, что у нас с этим все в порядке. Нет, я, конечно, знаю, что в школе есть буллинг, но что он у нас в классе — нет.

— Елена Викторовна, все нормально у нас, — отпираюсь я. — Подумаешь, девчонки не поделили что-то. Даже в семьях братья с сестрами дерутся, а мы здесь все разные. Вот и произошел... конфликт интересов.

— Да? — не верит класснуха. — И что же они не поделили?

— А мне откуда знать? — вру я так, что сам верю. — Может, поспорили, кто красивее. Может, парень один понравился.

Елена Викторовна вздыхает и смотрит на Леру. Та молчит. Нет, это точно не она настучала. Иначе, класснуха бы знала причину конфликта.

— В воскресенье мы все едем на пикник. И я очень надеюсь увидеть, что мы — одна большая, дружная команда.

— Для этого нам придется взять пенное, — хмыкаю я.

— Только попробуй принести алкоголь, Кириллов! — ругается класснуха.

— Я шучу, Елена Викторовна. Я же спортсмен и не пью, — говорю я почти правду. Не пью я по другой причине.

— На следующей неделе мы все дружно идем на футбольный матч болеть за нашу школу, — добавляет класснуха, и я присвистываю. — Весь класс освобождается от уроков.

Даже не знаю — хорошо это плохо. С одной стороны, я уверен в себе и своей команде, с другой — если что-то пойдет не так, то от позора потом не отмыться. Десятка — сильная

школа, еще и Роман будет с ними, а он играет почти наравне со мной. Придется стереть ноги, но выиграть.

— Будем почаще выбираться вместе, чтобы не было этого... конфликта интересов, — кивает Елена Викторовна.

Она немного думает и говорит то, от чего у меня застывает все внутри.

— Даниил, адаптация Леры в классе — твоя ответственность.

— Что это значит? — тихо спрашиваю я.

— Это значит, что она под твоей защитой! — говорит учитель. — И ты не позволишь обижать новенькую!

— Не надо меня защищать! — возмущается Лера.

Действительно. Заняться мне больше нечем. А самое главное — от кого защищать? От самого себя?

— Вот если я еще раз узнаю, что вы издеваетесь над одноклассниками, я спрошу с тебя, Кириллов.

Я молчу. Пусть спрашивает — что это изменит? Не будет меня на игры отпускать? Не сможет, пока я капитан команды. Заберет статус старосты? Да плевать, пусть забирает. Будет хуже, если я отступлю и покажу свою слабость. А у меня нет права на нее. Не здесь.

— Дааа, дружище, вот это ты влип, — смеется Вовчик.

— Не собираюсь я никого защищать, — ворчу я.

— Хочешь я за тебя это сделаю? — спрашивает он, и я поворачиваю к нему голову.

— Ты втрескался что ли? — медленно говорю я.

— Хорошенькая она, необычная, — загадочно говорит Вова, и у меня от этого сводит зубы. — Ты когда в войнушку наиграешься, может попробую замутить с ней.

— Наиграюсь? — уточняю я.

— Ну да. Давай ты будешь воевать, а я буду героем, — улыбается он. — А потом я приду к ней и попрошу награду за свой героизм.

— Вовчик, — со злостью говорю я. — А давай я тебе зубы выбью?

Он смеется, облачивается руками о парту и приближает свое лицо ко мне.

— Так и знал, что ты сам к ней неровно дышишь. Осталось только самому себе в этом признаться и перестать заниматься ерундой.

— Чего? Что ты мелешь?! — возмущаюсь я.

— А разве не так? — ухмыляется он.

— Нет, конечно!

— Ну значит, я буду мутить с ней, а когда все получится, она придет в нашу компанию, как ты и хотел, — улыбается он.

— Кто тебе сказал, что я не передумал? — говорю я, едва сдерживаясь, чтобы не повысить тон.

Вовчик только качает головой. А меня распирает от злости — слишком много изменений происходит вокруг из-за одной девчонки. Из-за глупой девчонки.

— Ребята, по литературе будет интересное задание, — снова говорит Елена Викторовна и выдергивает меня из мыслей. — Подготовить проект по произведениям, прочитанным на летних каникулах. Один проект на двоих. Как сидите за партой, так и делаете. Вопросы скину в нашу группу. Сделайте до вторника.

Класс! Еще и домашку делать. Она издевается над нами.

— Ко мне или к тебе пойдём? — спрашивает Вовчик.

— К тебе, — быстро отвечаю я. — У меня родня приехала, шумно.

Вовка только кивает. За что я ему благодарен — он никогда не спрашивает, почему мы ни разу не были у меня дома, хотя дружим уже пять лет. Может, догадывается, может, просто

безразлично. Никто из моих друзей не был у меня дома по понятной причине. И не будет. Я быстрее в огонь прыгну, чем позову кого-нибудь в мой самый большой позор.

Чтобы более-менее прилично одеваться и оплачивать свои тренировки, мне приходится подрабатывать. Иногда беру ночные смены в магазине, где разгружаю машины. Иногда нахожу подработку в интернете. Все лучше, чем ходить в тряпье или краснеть перед класснухой, когда не могу сдать деньги на какие-то нужды.

За все одиннадцать лет мать пару раз была в школе. Отец — никогда. Для всех он — вечно работающий родитель, который, когда нужен в школе уезжает в командировку. Не говорить же им, что на самом деле мой отец — алкаш и тунеядец. А так для всех он вполне себе обычный. И на меня пальцем не тыкают.

Если кто-нибудь узнает об этом, мне придется сначала уйти из школы, а потом улететь на луну. И сделаю я это до того, как друзья начнут задавать вопросы или смеяться.

Сколько раз я прокручивал в голове этот кошмар. И всегда покрываюсь липким потом — настолько боюсь этого.

Глава № 9 Лера

Проект! Замечательно! Мне что, теперь придется общаться с Диной? Боже, я так не хотела ни с кем общаться в этой школе. Нет, мне плевать, что она лузер и все такое, я просто не хочу!

— Давай я сама сделаю, — робко и очень тихо говорит Дина.

Я смотрю на нее, на ее смущенный взгляд и хочу согласиться. Это было бы идеально!

— Нет, — говорю я. — Прекращай позволять пользоваться собой. Сказали вместе, значит вместе.

В конце концов, это только проект. Не дружить же нас заставляют. Быстро сделаем и разбежимся.

— Ко мне пойдем после уроков? — спрашиваю я.

Она медленно кивает, и, кажется, уголки рта трогает улыбка. Господи, бедный ребенок. Ну ладно этих недоумков она боится, но меня-то зачем? Я такой же изгой, как и она. Пусть и сама себя к ним приписала.

После уроков мы уходим с Диной вместе. Она, согнувшись от какой-то ноши на своих плечах, и я, гордо подняв подбородок. На улице, конечно, снова тусуется эта ненормальная компания. Встречаюсь взглядом с Даней, задерживаюсь на пару секунд и отворачиваюсь. Теперь он должен меня защищать. Хуже и придумать сложно. Не пойму только кого наказали: его или меня.

В тишине доходим до моего дома, где нас встречает мама. Радует, что я не одна, но я сразу останавливаю ее возгласы.

— Нам проект нужно сделать по литературе.

— Конечно, устраивайтесь, — говорит мама.

Мы проходим на кухню, где мама уже освобождает нам стол для работы. Дина достает учебник, листки и свой потрепанный пенал.

— Читала «Преступление и наказание»? — спрашиваю я.

Дина лишь кивает.

— Значит, давай его в работу брать. Я не сильна в школьной литературе, но Достоевского читала.

И мы начинаем работать. Сначала она больше молчит, потом предлагает свои идеи — робко, с сомнением. Через полчаса наших дискуссий Дина становится более уверенной, и я замечаю важную вещь — она довольно интересный собеседник. Не заносчивая, умная, и я понимаю, что мне с ней легко.

— Расскажи о себе, — прошу я.

— Что именно? — спрашивает она.

— Не знаю, о семье, увлечениях, — я пожимаю плечами.

— Мы живем с мамой и братьями, — тихо говорит она. — Мой младший брат... инвалид.

Я поднимаю на нее удивленный взгляд.

— Все деньги уходят на него, — со вздохом добавляет она.

— Чем он болен? — с интересом спрашиваю я.

— ДЦП, — тихо отвечает она.

Я слабо киваю. Это объясняет ее замкнутость, неопрятный вид и страхи. И мне становится ее жаль. Как же я всегда боюсь этого чувства — это первый шаг к привязанности. Но ничего не могу с собой поделать.

Молча поднимаюсь со стула и ухожу в свою комнату. Лезу в шкаф и достаю один из своих рюкзаков, в которых я обычно перевожу вещи при очередном переезде. Возвращаюсь и протягиваю Дине. Она смотрит на рюкзак, потом на меня.

— Бери. Я порвала твой рюкзак, будем считать, что это в качестве извинения.

— Нет, — качает головой она. — Я не могу.

— Можешь, — киваю я. — Мы из тебя еще красотку сделаем и все в классы рты откроют.

Дина медленно протягивает руку и неуверенно берет рюкзак. Смотрит на меня, и я вижу в ее глазах слезы.

— Спасибо, Лер...

— Перекладывай свои вещи и выбросим твой старый рюкзак, как и твою старую жизнь, — улыбаюсь я. — Никто больше не посмеет обидеть тебя.

Наконец, она улыбается. Скромной, но красивой улыбкой. Я отвечаю ей тем же и киваю.

Она перекладывает вещи, и я замечаю небольшой блокнот с порванной обложкой. Видно, что внутри почти весь исписан шариковой ручкой.

— Записи делаешь? — спрашиваю я и киваю на блокнот.

— Стихи пишу, — тихо говорит она.

— Стихи? — с восторгом говорю я. — Разрешешь прочесть? А я тебе покажу свое творчество.

Она снова медленно кивает, и я ухожу в комнату за скетч-буком. Кладу перед ней, беру ее блокнот и впиваюсь глазами в аккуратные буквы. Не замечаю, как дохожу до последней страницы.

— Слушай, это же... восторг! — говорю я. — У тебя такой чудесный талант, а ты его прячешь!

— Да я не знаю, что с этим делать...

— А можешь про одного козла стих написать? — смеюсь я. — Какой он козел.

Она улыбается и смотрит на меня.

— На самом деле, Даня не всегда был таким. Раньше он был нормальным. Я не знаю, что произошло, но класса с шестого начал резко меняться.

— Да плевать, что с ним произошло. Это не повод унижать других, — отвечаю я.

Она вздыхает и убирает блокнот в рюкзак.

— Ты не знаешь, кто классной рассказал про нашу стычку с Полиной? И вообще про них? — спрашиваю я.

— Знаю, — кивает она. — Я рассказала.

— Ты? — удивляюсь я. — Но зачем?

— Хотела тебя защитить. Я привыкла уже к такому отношению к себе, и даже почти не обращаю внимание, а ты этого не заслуживаешь.

— Дина, ты представляешь, что будет, если они узнают? — восклицаю я.

— Представляю, — кивает она. — Но ничего другого я сделать не могу. Я слишком слабая, чтобы вступать с ними в борьбу напрямую.

Я сажусь на стул напротив Дины и смотрю ей в глаза.

— Ничего, мы им еще покажем свою силу. Обещаю!

Она не отвечает. Не верит. Боится. Наверное, я бы тоже боялась на ее месте. Связываться с этой компанией — такое себе удовольствие. И я это почувствовала на своей шкуре.

Медленно иду к школе и на каждом шагу борюсь с желанием развернуться и вернуться домой. Сдался мне этот пикник! Лишний день только проводить в обществе этих недоумков. Лучше бы я с книжкой повалялась или за рисунками. И зачем я на это подписалась?

Подхожу к школе — собрались почти все. Остаюсь в стороне, там, где и обычно. Дина тоже стоит одна, но подходить к ней не хочу — проект мы сделали, а заводить дружбу нет

желания. Я еще верна своему принципу — не привязываться. Возможно, будем общаться, но не больше.

Подъезжает автобус, я захожу и занимаю место у окна на самом последнем ряду. Надеюсь, что никто не подсядет, и я смогу ехать в полном одиночестве, разглядывая пейзажи за окном.

К моему счастью, я остаюсь одна. Автобус трогается, и мы уезжаем. Я впиваюсь глазами в окно, чтобы посмотреть город.

Сначала мимо мелькают дома и магазины. Потом на горизонте показывается море и горы. Домов становится меньше, сменяясь полями и высокими деревьями. Красиво здесь. Вот бы выбраться одной просто погулять на природе, подышать морским воздухом.

Когда мы переезжали, я думала, что каждый вечер буду ходить к морю — всегда мечтала об этом. Но мы здесь уже больше недели, а я так ни разу не сходила на берег, не запустила пальцы в теплую воду.

На море мы живем первый раз. Обычно нас отправляли в центральную часть страны, по одному разу — в Приволжье и на север. У каждого города и поселка, где мы жили, была своя атмосфера. Но так, чтобы смотреть на пейзажи с открытым ртом со мной впервые. Здесь нереально красиво, и рука так и тянется нарисовать что-нибудь в своем блокноте.

Мы едем по серпантину вдоль неровных гор, а под нами — высокий провал с густым лесом. Я только и успеваю, что смотреть по сторонам, чтобы не упустить ни одного кусочка красоты. Как же хочется выйти и пойти пешком, трогать острые выступы на горах, смотреть вниз и дышать воздухом, который я в автобусе не чувствую, но представляю какой он.

Серпантин заканчивается, и мы заезжаем в лес. Автобус трясет на неровной дороге и приходится насильно закрыть рот, чтобы не прикусить язык. Я определенно хочу остаться в этом городе! Это лучшее место, где я была.

Автобус останавливается, и мы дружно вывалились наружу. Девчонки жалуются, что устали от тряски, парни потягивают спины. И только я кручу голову в разные стороны, чтобы посмотреть сразу все.

Пацаны расставляют походные столы и стулья, девчонки расстилают одноразовые ска-терти. Потом на столы ложится еда из наших рюкзаков — напитки, печенье, чипсы, фрукты. Кто-то принес пироги, колбасу и сыр. Получается большой, богатый стол.

Стульев на всех не хватает, я беру бутылку с водой, отхожу к дереву и сажусь на землю, подложив рюкзак. Отдельно от всех, но так лучше. Изгой должны держаться в одиночку. Откидываю спину и голову на ствол старого дуба и закрываю глаза. Отстраняюсь от разговоров и смеха за столом, прислушиваясь к пению птиц и шуму моря. Хорошо. Я готова остаться здесь на весь день.

Через полчаса одноклассники уходят гулять в лес. Пожелание классной не сбылось — ни о какой дружной компании речи не идет. Как было разделение по статусу, так и осталось. Глупо полагать, что, засунув подростков в один автобус, можно добиться великой дружбы. Что-то изменить удастся только если разделить их принудительно. А пока вся сильная сторона класса тусуется рядом с Даней, а остальные сидят в сторонке — общего мира не будет.

— Ребята, далеко не уходим, чтобы не заблудились, — говорит Елена Викторовна.

Я наблюдаю, как почти все уходит вглубь леса. Поднимаюсь с земли и тоже ухожу, но не с ними, а поближе к обрыву. Туда, где видно море. Туда, где опять побуду одна.

Нахожу самое красивое место, кидаю рюкзак и сажусь за дерево. Беру в руки скетчбук и делаю зарисовки. Я смогу нарисовать и по памяти, но, когда красота перед глазами получается лучше. Собственно, ради этого я ехала сюда, а не чтобы пытаться дружить с теми, с кем дружба мне не нужна.

Рисую, спрятавшись за толстым деревом, в полной тишине. Но тут до ушей доносится настойчивое:

— Говори!

Сначала игнорирую. Потом слышу визгливый смех Полины и ее подружки. Становится интересно и тревожно — что там происходит. Поднимаюсь с земли, засовываю блокнот в задний карман и подкрадываюсь к голосу, прячась за деревьями. И когда подхожу ближе, останавливаюсь.

Дина прижата к дереву, рядом с ней эта ненормальная компашка. Даня стоит напротив нее и пугает своим взглядом.

— Лучше признайся, что это ты настучала учителю, — говорит он. — Мы ничего тебе не сделаем.

Рядом хихикает Полина и Кристина. Тупые курицы.

— Мы же знаем, что это ты стукач, — говорит Вова.

Дина испуганно качает головой. Я секунду смотрю на это, чувствуя, как внутри снова загорается ярость, как поднимается к горлу. Вчетвером на одну беззащитную девочку. Пугают, угрожают своими взглядами. Мне бы не вмешиваться в это, но, когда я вижу, как Даня кладет свою руку на дерево рядом с головой Диной, у меня срывает крышу. Терпение лопается внутри меня с оглушительным взрывом. Я не понимаю, чего хочу больше: защитить Дину или поставить на место Даню.

Быстро выхожу из-за дерева и направляюсь к ним. Вижу перед собой только одно — его насмешливые глаза. Меня он замечает, когда я уже оказываюсь совсем рядом и налетаю на него. Со всей силы толкаю его в грудь ладонями, заставляя отступить. От неожиданности он теряет равновесие и делает шаг назад, чтобы удержаться на ногах.

— Отвали от нее! — рычу я.

— Не лезь лучше, — шипит он. — Или тебе тоже достанется!

— Ну давай! — говорю я и делаю шаг к нему.

Мы оказываемся совсем рядом, между нами едва помещается рука. Снова в нос бьет его настойчивый запах, но я отгораживаюсь от него. Смотрю на него с вызовом и презрением. Внутри — чистая ярость.

— Какие же вы жалкие, — говорю я, не сводя глаз. — Вчетвером на одну девчонку. Тебе не стремно?

— Она стукач, а таких мы очень не любим, — спокойно отвечает Даня. — И она ответит за доносы!

Я смотрю в его глаза, пытаюсь увидеть то, о чем говорила Дина. Нормальность. Адекватность. Но ослепленная собственной яростью не вижу ничего.

— Это не она, — говорю я. — Это я рассказала учителю. Я стукач.

Глава № 10 Даниил

Ее слова гроыхнули в лесу, и я должен им поверить. Но я не верю. Знаю, что это не она, знаю, что выгораживает. Понимает, что навлекает на себя еще больший гнев, но идет на это. Что за отчаянный акт самопожертвования?

Лера стоит передо мной — настырная, наглая, дерзкая, и в ней нет ни капли страха. Черт, похоже, я начинаю ее уважать. И понимать, почему мне так хотелось увлечь в свою компанию. Ее глаза не отрываются от моих, и, кажется, она даже не моргает.

Мне нравится ее смелость. Даже лед внутри нравится. Вспыхнувшие от ярости щеки — тоже. Она вся такая необычная, сильная, упертая. А попытки задавить меня взглядом смотрятся забавно. Мы смотрим друг на друга как два зверя в ожидании, кто же набросится первым. Конечно, трогать я ее не буду, даже если она сейчас вцепится зубами мне в шею.

Глупо не признать, что, не смотря на гневный взгляд и ледяные глаза, она красивая. И красота эта не нарисованная, а настоящая. Она не пытается выглядеть старше, сейчас на ней нет косметики, и почему-то это трогает больше всего. Будь она менее строптивой, точно стала бы популярной девочкой в школе.

— Ну и что мы будем делать с ней? — встревает Полинка, а мне хочется, чтобы она молчала.

— Она врет, — говорю я и не отвожу взгляд. — Выгораживает подружку.

— А я верю, — снова лезет Полинка.

— Мне плевать, веришь ты или нет, но Дину вы не тронете, — говорит Лера.

Я молчу. Не собирались мы ее трогать. Так, напугать немного, чтобы не стучала больше.

— Ой, а что это у нас тут? — говорит Полинка, и я машинально перевожу взгляд на нее.

Она одним движением достает из кармана Лериных брюк блокнот. Лера тут меняется во взгляде и поворачивается. Застывает на месте с испугом в глазах, наблюдая, как Полинка открывает блокнот.

— Да она художница! — смеется Полинка и показывает нам рисунок. К ней присоединяется Кристина.

На нем — дом, рядом детские качели и надувной бассейн. Нарисовано очень красиво, детально. И я, хоть ничего не понимаю в искусстве, мысленно восхищаюсь. Не столько рисунку, сколько загадочности этой дерзкой девчонки.

— Отдала! — оживает Лера и делает шаг к Полинке.

— Вов, держи ее! — визжит Полинка.

Вовчик подсакивает к Лере и обхватывает ее руками. Я почему-то не могу ни пошевелиться, ни двинуться с места.

Лера вырывается, но хватка Вовки — железная. Полина листает блокнот и показывает нам рисунки — чьи-то лица, мягкие игрушки, природа.

— Ой, смотрите, даже я здесь есть! — восклицает Полинка и показывает нам.

— А похожа! — смеется Кристина.

А я понимаю, что надо бы остановить это. Вижу отчаянные попытки Леры вырваться из рук Вовы, но молчу. Не смеюсь, не реагирую. Лишь наблюдаю за паникой Леры.

— Я знаю, как мы ее накажем за стукачество, — говорит Полинка.

Она идет к обрыву и останавливается возле него. Смотрит на Леру и ухмыляется, вытягивая руку над провалом. Пальцы Полины разжимаются, и блокнот сначала секунду парит в воздухе, а потом падает вниз. Полинка и Кристина смеются. Лера перестает вырываться в руках Вовки и смотрит в сторону обрыва. И мне становится ее жаль. Наверное, этот блокнот что-то значит для нее, видимо, даже слишком много.

— Отпускай неудачницу, — машет рукой Полинка.

Я понимаю, что Лера сейчас вцепится ей в волосы. И согласен с этим. Даже разнимать не буду, и пусть мне потом достанется за драку. Но она поступает совершенно неожиданно.

Едва Вовчик расцепляет руки, Лера рывком подбегает к обрыву и, не мешкая, практически ныряет вниз. Мне остается только смотреть, как она исчезает внизу. Сердце падает вниз вместе с ней, и я не верю в происходящее. Внизу валуны, и прыжок даже с небольшой высоты на них может оказаться последним.

— Вот блин... — тихо говорит Вовчик.

— Что встали? — оживаю я. — Учителя зовите! Быстро!

Не узнаю свой голос со стороны. И ничего не чувствую, кроме дикого страха. С трудом выдергиваю тело из ступора и кидаюсь за ней. Подбегаю к обрыву и готовлюсь увидеть страшное, но с облегчением вздыхаю, видя, что Лера сидит на земле и прижимает блокнот к груди. Не думая, сажусь на край и скатываюсь вниз за ней, царапая руки в кровь. Но боль не ощущаю, только призрачное счастье. Жива. Слава богу, жива!

Спускаюсь вниз, стряхиваю с ладоней мелкие камни и песок. Быстро подхожу к Лере.

— Ты совсем сдурела?! — кричу я. — Жить надоело!

Она не отвечает. Сидит, прижимая к себе блокнот и смотрит перед собой.

— Это хорошо, обрыв невысокий! — снова кричу я. — Как тебе вообще в голову это пришло!

Похоже, у нее шок. У меня самого шок. Фантазия еще подкидывает варианты развития событий, хотя она вот, сидит передо мной. Живая, голова целая, руки и ноги вроде тоже. Но успокоиться не могу. Давно я так не боялся, может даже никогда. Тревога рвет меня изнутри, сердце готово выпрыгнуть из груди.

— Даниил! — раздается наверху голос Елены Викторовны. — Что случилось? Вы в порядке?

— Да, — говорю я. — Красиво здесь. Прогуляться решили.

— Поднимайтесь! Быстро! Ну я тебе устрою, Кириллов!

Я смотрю по сторонам — и как подниматься по крутому обрыву? Только вдали виднеется выступ, по которому в теории можно попробовать забраться.

— Поднимемся, — отвечаю я. — Там выступ есть. Вов, помоги нам!

Снова смотрю на Леру, а она не двинулась с места. Колени поджаты к телу, руки крепко сжимают блокнот у груди.

— Пошли, — говорю я ей и протягиваю руку.

Она смотрит на мою ладонь в кровоподтеках, игнорирует ее и поднимается сама. Прихрамывая, идет впереди, я позади нее. Кажется, ситуация вышла из-под контроля. Впервые я жалею о своем поступке. Должен был остановить Полинку, и плевать, что они потом сказали бы обо мне. Наверное, даже у нас должны быть границы. Чувствую себя виноватым, будто это я скинул блокнот с обрыва.

Она другая. От дерзости и смелости не осталось и следа. Сейчас передо мной — уставшая, раненая и обиженная девчонка, которой мне хочется помочь. И мне искренне жаль ее.

Мы молча подходим к выступу, я хватаюсь за него, подтягиваюсь и встаю на ноги. Протягиваю ей руку, она не реагирует. Даже не смотрит на меня, лишь кидает быстрый взгляд на мою ладонь.

— Давай, Лер. Это единственный подъем здесь.

Она сначала смотрит на мою руку, потом неуверенно вкладывает свою ладонь, я крепко хватаю ее и затаскиваю наверх. Она шипит от боли и резко выпускает мою руку. Наверху уже собрался наш спасательный отряд. Вовчик лежит на земле и тянет руки.

— Наступай на камень и протягивай руки, он подхватит тебя. Я подстрахую, — говорю я.

Лера неуверенно наступает на выступающий камень, я придерживаю ее за спину, чтобы не завалилась, и рывком дотягивается до Вовки. Он вытягивает ее наверх, потом протягивает руку мне.

— Ну и что произошло? — спрашивает взволнованная Елена Викторовна, осматривая ладони Леры.

— Я оступилась и скатилась вниз, — тихо отвечает она.

— Оступилась? — сомневается учитель. — И как по заказу, вся наша уважаемая компания во главе с Кирилловым оказалась рядом!

— Да, это случайность, — уже уверенней говорит Лера. — Камень под ногой поехал, и я не смогла удержаться.

— Пойдем, в автобусе есть аптечка. Как знала, что с вами нужно всю аптеку скупать! — ворчит учитель.

Я провожаю их взглядом и оборачиваюсь на своих. Девчонкам, судя по взглядам, ни капли не страшно. Вовчик растерянный. А во мне уже закипает злость. Горячая ярость за поступок, едва не стоивший жизни.

Подхожу к Полине и останавливаюсь напротив нее. Она поднимает на меня взгляд.

— Ты дура, — говорю я.

— Ничего же не случилось, — пищит она.

— А если бы случилось, что сказала бы?

— Но не случилось же! Больно ты переживаешь за нее, — фыркает она.

— Это на самом деле не смешно, — вступает Вовчик.

— Ты мне помогал, между прочим! — восклицает Полинка.

— Одно дело посмотреть, а другое — выбрасывать чужую вещь, — спорит он. — У тебя мозгов вообще нет.

Она снова фыркает и обиженно скрещивает руки. А у меня нет сил спорить с ней. Столько слов внутри, но если начну говорить, то не остановлюсь. Ухожу к столу, хватаю бутылку и лью воду на руку, смывая грязь, кровь и страх. Помогает плохо, особенно с последним.

Внутри еще лежит что-то тяжелое, мешающее сделать глубокий вздох. Понимание. Я ничем не лучше своего отца, который никогда не был защитником для своей семьи. Он всегда унижает мать и меня. Могу ли я назвать его мужчиной? Нет. И никогда не назову. Медленно, но уверенно я превращаюсь в того, кого ненавижу больше всего на свете. Он не думает о своих поступках, о том, как причиняет нам боль, и я такой же.

Убираю бутылку и вижу, как в мою сторону идут учитель и Лера. Смотрю на перебинтованные ладони, и все сжимается в плотный комок.

— Даниил, помоги Лере рюкзак найти, — говорит Елена Викторовна. — Чтобы она опять не оступилась.

Я молча киваю и иду за Лерой. Мы снова уходим вглубь леса, к обрыву. Она идет уверенно, не оборачиваясь. Вокруг нас почти идеальная тишина, только хрустят ветки под нашими ногами. И от этой тишины еще страшнее. Лучше бы она накричала, ударила, чтобы я не думал, что мы сломали ее. Не сделали то, чего я так сильно хотел, но увидев эти глаза, увидев ее готовность спасать, во мне что-то изменилось. Она не просто наглая девчонка, она человек со своими страхами и слабостями.

— Лер... — я пытаюсь сказать хоть что-нибудь.

— Молчи, — перебивает она. — Просто молчи.

Она подходит к дереву, хватая рюкзак и оборачивается на меня.

— Я ненавижу тебя и всю твою компанию, — говорит она. — Тебя больше, потому что это ты их сделал такими. Хотел войны? Будет тебе война!

— Да не нужна мне уже эта война! — вылетает у меня.

— Теперь она нужна мне! И пока ты не почувствуешь всю боль одиночества, я не успокоюсь!

Она проходит мимо меня, но останавливается. Во взгляде нет дерзости, есть только ненависть. Такая, какую я никогда не видел.

— Если ты думаешь, что имеешь право унижать людей, то очень ошибаешься. Я сделаю все, чтобы растоптать тебя. А потом буду с удовольствием наблюдать, как тебя бросают твои собачки, и ты остаешься один! Никто тебя не вытащит из того дерьма, в которое я тебя загоню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.